

стей, до субъективных, удовлетворяющих личностные потребности в определении своего места в социальном пространстве. Сам факт этого поиска предопределен тем, что в современном мире невозможно оградить себя от влияния бесконечного количества вариантов ответов на предельные жизненные вопросы, которые доступны каждому человеку. При этом индивидуализация веры, безусловно, не является неким общеобязательным направлением развития современного общества, но представляет собой лишь тенденцию, проявляющуюся в самых разнообразных формах. Не менее разнообразным остается спектр институциональных религий, которые с большей или меньшей степенью успешности пытаются найти свое место в стремительно изменяющемся обществе.

В исследовании современной религиозной ситуации необходимо избегать крайности, т. е., с одной стороны, утверждать, что институциональная религия умирает, а с другой, что религию можно изучать только на примере индивидуального стремления к смыслу. На самом деле, и институции способны создавать смыслы, и индивиды — импровизировать по поводу религиозных альтернатив. Главное заключается в том, что сегодня и новые, и традиционные виды религиозности сосуществуют в общем плюралистическом пространстве, которое по своей природе делает бессмысленным какое-либо принуждение в выборе религиозных предпочтений. А это означает, что религиозная вера все в большей степени становится делом личности, а не институции.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ПОСТМОДЕРНА

Е. В. Кузьмина
(Казань, Россия)

В истории развития европейского сознания принято выделять три эпохи, три проекта описания социальной реальности: преמודерн, модерн и постמודерн. Первая ступень — преמודерн — термин, часто использующийся синонимично понятию традиционное, доиндустриальное общество. Его хронологические истоки — в IV–V вв., в периоде Вселенских соборов, когда и закладывались догматические основания христианства. Да, следует оговориться: классическая схема деления общества на три исторические стадии — порождение цивилизации Запада, следовательно, и религиозную картину подразумевает рассматривать в рамках иудео-христианской западной традиции. В мировоззрении преמודерна доминирует идея теоцентризма и Провидения, концепта истины не как результата поиска научного познания, а как Откровения свыше, ибо все сущее мыслится производным от Бога.

Модерн, как состояние отрицающее, преодолевающее пре-эпоху, начинается с наступлением Нового времени. Обычно под термином «модернизация» понимают набор политических, экономических и социокультурных процессов, зародившихся еще в эпоху Реформации и переживших наивысший подъем во времена Просвещения. Эти процессы характеризуются индустриализацией, развитием рыночных отношений, частной собственности, урбанизацией, техническим прогрессом, рационализацией человеческого сознания и, как следствие, формированием культуры, в которой наблюдается снижение религиозности, упадок значимости и влияния религии на общественную жизнь. В результате явления дифференциации происходит усложнение общества, разделение его на подсистемы, каждую со своими целями, ценностями и средствами коммуникации — экономика, политика, культура, наука. И религия тоже начинает пониматься как лишь одна из равноправных подсистем, лишенная статуса всеобъемлющего мировоззрения, происходит ее выпадение из области видимой в индивидуальную, личную сферу верующего сознания.

Первые теории постмодерна складываются в 1950–1960-х гг., а спустя пару десятилетий они начинают преобладать в философском, культурологическом и отчасти социологическом дискурсе. На первый взгляд обращение постмодерна к проблемам религии кажется парадоксальным, да и само сочетание данных понятий малосовместимо, привычно очевидно, что одно провозглашает релятивизм и локальные истины, другое, напротив, претендует на обладание конечным абсолютным основанием. Да и факты, казалось бы, говорят о том же: религия закрывается от современной эпохи за крепостными стенами, где в прежнем, статически-догматическом постоянстве оказывается чем-то вроде заповедника культурных и моральных ценностей, эдаким музеем, в котором сакральное лежит на полках рядом с этническими атрибутами. Кажется, еще немного и осаду более не выдержать — «Бог» окончательно «умрет» и секуляризация отпразднует полную победу. И не зря многие современные исследователи рассматривают постмодерн как ситуацию упадка религии, как культуру секулярную, пострелигиозную и, в частности, постхристианскую. В числе «явлений-секуляризаторов», автоматически ведущих к снижению интенсивности религиозных практик и исчезновению веры, выделяют, как правило, такие ключевые характеристики постмодерна, как релятивизм, фрагментарность и плюрализм. Несомненно, плюрализация затрудняет принятие любых, претендующих на абсолют, мировоззрений, в т. ч. и религиозных, но она еще не означает секуляризацию. В частности, один из основоположников теории секуляризации в 60-х гг. американский социолог и исследователь религии Питер Бергер в настоящее время отказался от секулярной концепции и взамен выдвинул теорию плюрализации, утверждая, что эпоха постмодерна представ-

ляет серьезный вызов для традиционных религий, однако это вызов иного характера, отличный от вызова секуляризации¹.

В связи с этим небезынтересно рассмотреть, как эмпирически проявляет себя постмодерн в сфере индивидуального религиозного сознания, и какие характерные его черты обнаружены на общественном уровне функционирования религии.

Социокультурное многообразие, ценностная пестрота и мозаичность постсовременности в первую очередь послужили причиной появления такого феномена, как «лоскутная религия» (термин, введенный американским социологом религии Робертом Вазноу)², когда каждый человек, как из цветных кусочков ткани, из догматов различных учений собирает «под себя» лоскутное одеяло собственной религии. Речь идет о произвольном избирательном подходе как в рамках системы вероучения собственной конфессии, так и о эклектизме и синтезе положений совершенно разных религиозных вероучений. Постмодерн, как ситуация, в которой субъективности выходят на первый план и отстаивают свои права на различные стили жизни и мировоззрения, создает условия, удобные для выбора и изменения религиозной идентичности, так сказать широкий «рынок» религиозных услуг и организаций. Это как дробление, дифференциация уже существующих религий, так и создание новых учений, «частных теологий», стремление к полицентризму в религиозном мире. И религия как таковая уже не является жизнеобразующей картиной мира или эсхатологическим учением — это просто система моральных норм, комфортно подобранных под свои личные убеждения. При таком потребительском мышлении истина оказывается несущественной. Исчезает убежденность в единственной возможности и в единственной истинности своего вероучения, что кажется нонсенсом, ведь религия априори нетерпима к плюрализму, это догматы, основанные на абсолюте, единственном смысле и единственном толковании Священного Писания. Однако культура постмодерна считает едва ли не грехом осуждение иного вероучения, не допускает претензий на монополию истины и тем более навязывание ее другим.

В отношении священных книг также наблюдается определенная тенденция десаκραлизации. Они рассматриваются скорее как просто культурно-исторические и литературные памятники и не как события, а как способы и множественность их герменевтических толкований. Работа с текстом Писания приводит к появлению различных толкований, каждое из которых,

---

¹ Питер Бергер *Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* — М.: Издательский дом «Дело», 2012. — №2(30). — С. 9.

² Питер Бергер *Недоработанная концепция // Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies.* 2011: №1–2 (5–6). — М., 2011. — С. 106.

согласно логике плюральности, имеет равное право на существование, что, в свою очередь, ведет к дальнейшей фрагментации и усложнению религиозной идентичности.

Проникновение религии в несвойственные ей изначально области общественной жизни, переориентация на повседневные проблемы также влечет за собой размывание сферы религиозного, потерю его сакральности. Потребительское отношение человека постмодерна проявляется не только в выборе наиболее удобного вероучения, но и в понимании функций религии: интерес к посюстороннему, к «здесь и сейчас» вызывает заземление религии, формирует «потребительскую теологию».

Пределная индивидуализация, как отчуждение людей друг от друга и от общества, разрыв привычных социальных связей, можно сказать атомизация современного общества, вызвала появление еще одной значимой тенденции современности — это «believing without belonging»³, т. е. приватизация веры, появление невидимой⁴ или скрытой⁵ религии. Кризис институциональных форм религии не устраняет религиозность как таковую, однако перемещает ее в сферу индивидуального каждого человека. Как следствие, исчезает тип воцерковленного верующего, теряются социальные связи с единоверцами, развеивается ореол сакральности обрядов. А сохраняющиеся внешние ритуальные практики могут уже и не отражать религиозность, а быть просто поведенческим кодом, симуляцией, в которой доминирует даже не этика, а этикет религии.

Несомненно, религиозность определяется влиянием установок религиозного сознания на поведение индивидов, однако судить о качественных и количественных характеристиках религиозности мы можем только по внешним ее проявлениям и признакам. И по привычке ищем причины и обоснование этих проявлений в вероучениях и нормах традиционных религий. Но имеем ли мы право, не находя в эпоху постмодерна полного объяснения и согласования религиозной жизни с традиционными учениями, говорить об отсутствии религиозности как таковой?

Следует понимать, что постмодерн — это не однозначный отказ от религии, а лишь деконструкция ее целостного восприятия, системы, догматического фундамента и регламентированных функций, это переоткрытие и переинтерпретация религии, свобода не только религии, но и свобода в ней.

---

³ Davie, G. Believing without belonging. Is this the future of religion in Britain? // Social Compass. 1990. — Vol.37. N 4. — P. 445–169.

⁴ Luckmann, T. The Invisible Religion : The Problem of Religion in Modern Society. London; New York : The Macmillan Company, 1967.

⁵ Bailey, E. Implicit Religion in Contemporary Society. Kampen (Neth.) : Kok Pharos, 1997.

И, отвечая постмодернистским философам, устраняющим Бога из современности, хочется воспользоваться знаменитой паскалевской дихотомией⁶ — провозглашена была смерть так называемого «бога философов и ученых», а не «личного бога». Бог не рационалистического богословия, а постижимый уникальным личностным путем, Бог, диалог с которым ведет самостоятельная личность и воля, — жив. Внешняя атрибутика веры отходит на второй план по отношению к личностной внутренней убежденности. И если позволено говорить о «внешнем» и «внутреннем» человеке, то Церковь как институт направлена в первую очередь на первого, тогда как сам «личный Бог» говорит со вторым. Да и вообще, в свете индивидуализации и свободы принятия решений, проблема будущего религии видится, скорее, как проблема Церкви и ее монополии, нежели религии как таковой.

Современный мир — мир хаотичного Вавилонского многообразия, конца метафизики⁷, конца доктрины абсолютной истины, завершения эпохи больших метанарративов⁸. Как следствие, мы оказываемся в ситуации множества нарративов, не связанных никаким центром, в ситуации падения иерархии мировоззрений. Однако «воистину анархия — стихия, в которой происходит зачатие религии»⁹.

Реальность постмодерна не покоится на абсолютном основании и лишена претензий на обладание окончательной истиной. Но именно это и дает возможность конструктивного диалога, диалога, в котором каждая из сторон лишена уверенности в собственной исключительной истинности, и потому его итогом могут стать взаимопонимание и общие базовые ценности.

Стоит понимать, что вера, обретенная благодаря плюрализму постмодерна, — это вера в иного Бога, не Бога рационалистической схоластики и метафизики. Существование высшего существа в первую очередь доказуемо не естественным разумом, а основано на доверии, на симпатии, это Бог Откровения в том смысле, что в него верят, потому как о нем «было сказано».

Очень показательна характеристика Дж. Ваттимо¹⁰, отметившего, что современники «верят, что верят», где первое «верят» — скорее

---

⁶ Паскаль Блез. Мысли / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. — М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1995. — С. 327.

⁷ Мартин Хайдеггер. Бытие и время. — М. : Издательство «Республика», 1993.

⁸ Жан-Франсуа Лиотар. Состояние постмодерна / Перевод с французского Н. А. Шматко «Институт экспериментальной социологии». — М. : Издательство «АЛТЕИЯ», Санкт-Петербург, 1998.

⁹ Новалис. Генрих фон Офтердинген / Изд. подг. В. Б. Микушевич — М. : Ладомир; Наука, 2003. — С. 141.

¹⁰ Ваттимо, Джанни. После христианства / Джанни Ваттимо; [пер. с итал. : Дм. В. Новиков]. — М. : Три квадрата, 2007. — С. 5.

гипотеза и предположение, а второе — твердая уверенность. Можно сделать выводы о робкой, но определенной потребности в вере, о желании верить, о жажде последних истин. Обратимся к характеру современной религиозности — религиозности человека, стоящего «у последней черты», за которой — одиночество, страх, ответственность. «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить» — говорится в Писании¹¹. Отсюда и добровольное возвращение к основам, принятие строгих догм и дисциплины, стремление вернуться к любой форме зависимости — ведь авторитет не только пугает, но и успокаивает. Религиозная принадлежность позволяет интегрироваться в сообщество, которое связывает человека с нечеловеческим миром, возникает чувство приобщения, зависимости, признания себя как части целого. В то же время необходимо помнить, что ситуация, когда человек получает статус субъекта свободного выбора и право на индивидуальный религиозный опыт и выбор, оказывается своего рода проверкой общества на «взрослость»: сможет ли оно оправдать доверие и ответственно воспользоваться полученной самостоятельностью или по-детски устроит праздник непослушания?

Возможно, для построения конструктивного диалога необходимо отказаться от авторитарного, буквального прочтения Писания. Не стоит воспринимать это как категорический призыв выйти за рамки догматики, но необходимо понимать, что в современном прочтении вера не есть чисто конфессиональное переживание. Субъект веры эпохи постмодерна — это субъект открытости, гостеприимства¹² и коммуникации, в процессе которой мы должны стремиться не к выяснению вечных истин, а к преодолению и устранению того, что мешает понять другого. Да, для ортодоксов это звучит как отречение, исчезновение границ между истиной и ересью, но это помогло бы распознать постоянное присутствие религиозного и, в т. ч., непосредственно христианского наследия в проявлениях секуляризованного общества.

---

¹¹ Лк. 9:25.

¹² Derrida Jacques. *Cosmopolites de tous les pays, encore un effort!* Paris : GalilOe, 1997.